

## КЕЙНС КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ МАРШАЛЛА\*

На протяжении сорока или пятидесяти лет макроэкономика XX в. была преимущественно «кейнсианской». Между тем современные специалисты по макроэкономике считают теорию Дж. М. Кейнса пройденным этапом. Согласно общему мнению, ключевым недостатком его концепции было отсутствие «микроснований», и поэтому она не выдержала испытания временем.

В области микроэкономической теории предшественником и учителем Кейнса был Альфред Маршалл. Популярность Маршалла как экономиста быстро сошла на нет, а через несколько десятилетий то же случилось и с Кейнсом. Неоклассическая теория пошла в своем развитии по иному пути, отличному от проложенного Маршаллом, и концептуальные расхождения теперь столь велики, что ни его, ни Кейнса современные экономисты должным образом понять и оценить не могут<sup>1</sup>.

В этой связи важно определить различия между современной теорией общего равновесия, которая является на сегодняшний день основным инструментарием специалистов по макроэкономике, и теорией цен Маршалла. И хотя способы построения моделей в двух концепциях разнятся на фундаментальном уровне, между ними нередко возникает терминологическая путаница. В обеих теориях используются такие понятия, как «максимизация полезности (или прибыли)», «равновесие», «конкуренция» или «ценополучатель» (price taker), однако, как мы увидим ниже, понимание значений этих терминов различается радикальным образом.

### Классическая традиция

Термин «неоклассическая» с трудом приложим к теориям трех «революционеров» маржинализма — Джевонса, Менгера и Вальраса поскольку все они порвали с классической традицией. Однако к теории Маршалла подобное наименование подходит. Он пытался решить проблемы, поставленные в рамках этой традиции, и продолжить исследования в ее русле. Классики стремились объяснить *законы движения* в обществе. Основные положения классической теории относительно «движения» экономической системы выражались на языке, аналогичном языку дифференциальных уравнений: «Население будет расти до тех пор, пока реальная заработная плата выше прожиточного минимума» или: «Капиталисты будут осуществлять накопление до тех пор

---

\* Данная статья публикуется с разрешения автора. Она войдет в книгу Cambridge Companion to Keynes / Roger E. Backhouse, Bradley W. Bateman (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming.

<sup>1</sup> См.: *Leijonhufvud A. Mr. Keynes and the Moderns // European Journal of the History of Economic Thought. 1998. Vol. 5. P. 169–188.*

пока их прибыль положительна». Поведение считалось адаптивным, и предполагалось, что агенты максимизируют полезность или прибыль, однако эти предпосылки постулировали рыночные условия или мотивы поведения, а вовсе не описывали его результат. Классы или социальные группы выделялись сообразно тому, как их представители повели бы себя, исходя из разумного расчета. Классики осознавали, что люди нередко ошибаются, однако предполагали, что большинство из них способно учиться на этих ошибках, дабы сделать свое поведение «рациональным» (а следовательно, более или менее прогнозируемым) в тех условиях, которые были им знакомы. Необходимы были устойчивые правила взаимодействия, пользуясь которыми индивид мог бы предвидеть поведение других людей, а тем самым и результат собственных усилий. Еще одним предметом «обучения»/познания в ходе социального взаимодействия (достижения равновесия, к которому сходил процесс развития общества) являлись институциональные ограничения. «Равновесие» понималось как гипотетически или практически достижимое состояние, в котором «движение» уже стало свершившимся фактом, а соответствующий «закон движения» переставал действовать.

В современной экономической науке принципы эффективного распределения ресурсов основываются на логике рационального выбора и, в сущности, лишены временного контекста. Формализуясь в терминах оптимизации при наличии ограничений, реально наблюдаемое поведение трансформируется в задачу оптимизации, а агентам придается так называемая *сущностная* («субстантивная») рациональность. Это означает, что лица, принимающие решения, знают, по крайней мере с определенной долей вероятности, свои *истинные* бюджетные множества и способны ценить в терминах полезности альтернативные исходы своих действий. Вопрос о том, что некоторые из агентов не сумеют реализовать свои действия оптимальным образом, просто не стоит, поскольку в теории для подобных ошибок места нет. Достижение равновесия в неоклассической традиции предопределено последовательностью и логичностью планов (стратегий) индивидуальных действий. Впрочем, «равновесие» — бессмысленный термин, поскольку «неравновесия» невозможны. В динамическом аспекте требования оптимизации состоят в том, чтобы агенты, планируя свои сделки, знали все будущие цены. Иначе говоря, прежде чем будет сделан чей-либо выбор, все решения агентов должны быть согласованы между собой. Выйти из подобного логического «лабиринта» можно, только приняв предпосылку о рациональных ожиданиях.

Следует отметить, что институты не встраиваются в эти дедуктивные схемы естественным образом. Вот почему существование фирм или использование денег «объясняются» через постулирование наличия трюков рынка и транзакционных издержек.

### Теории Маршалла и Вальраса

Наиболее известные современные экономические модели восходят к работам Вальраса. В вальрасианской модели индивид должен выбрать *оптимальные* объемы благ при заданных параметрах цен. Чтобы получить кривые чистого спроса и чистого предложения для

каждого агента, то же самое проделывается для различных цен. Далее эти кривые агрегируются по всем агентам, и получаются функции избыточного спроса для всего рынка. На последнем этапе выводится условие равновесия (оптимальности) и отыскивается такой вектор цен, при котором все сделки *согласуются* друг с другом в целом.

Основными «строительными блоками» модели Маршалла являются кривые спроса и предложения для отдельных экономических агентов, которые *нельзя считать совокупностями оптимальных точек*. Например, цена спроса для домохозяйства — это та максимальная цена, которую оно готово было бы заплатить за данный объем некоторого товара. Очевидно, любая более низкая цена была бы предпочтительнее. Точно так же цена предложения — это минимальная цена, по которой производитель готов поставить товар, хотя любая цена выше данной также была бы предпочтительнее.

Таким образом, вальрасианские функции  $q^d(p)$  и  $q^s(p)$  и маршаллианские функции  $p^d(q)$  и  $p^s(q)$  не являются просто взаимно обратными в математическом смысле, хотя сегодня стандартная практика анализа вальрасианских кривых (в которых количества зависят от цены) в пространстве спроса и предложения по Маршаллу (в котором цена зависит от количества) может навести на противоположную мысль.

В маршаллианских конструкциях индивиды следуют рутинным адаптивным правилам. Если цена спроса у потребителя превышает рыночную цену, он будет покупать больше; в противном случае он будет покупать меньше. Если цена предложения ниже рыночной цены, производитель будет расширять выпуск; в противном случае он сократит производство. К этим правилам следует добавить схожие рутины и для посредников. Если посредник сталкивается с избытком предложения он уменьшит цену, которую платит производителю, и цену, предлагаемую потребителю; в случае избытка спроса он, напротив, поднимет цены. Эти поведенческие постулаты мы назовем «маршаллианскими законами движения», дабы подчеркнуть, что речь идет об *адаптивной динамической системе*.

На протяжении долгого времени представители маршаллианской традиции в качестве примера рыночных процессов приводили рыбный рынок в портовом городе. Каждое утро рыболовецкое судно возвращается в порт с ночным уловом рыбы, равным  $q_T$ . Весь улов отправляется на центральный рынок, который, как предполагается, работает по принципу двустороннего аукциона. Цена сходится к той, которая определена спросом на улов:  $p^*(q_T)$ . Эта точка — аттрактор процесса ценообразования — является, по Маршаллу, временным равновесием или равновесием торгового дня.

Владелец  $j$ -го судна наблюдает последовательность цен закрытия в конце торгового дня, среднее значение которых равно  $\bar{p}_T^*$ . Если его средний улов за день составляет  $\bar{q}_T^j$ , а предельные издержки равняются  $s^j(q_T^j)$ , то адаптивное правило для его поведения будет выглядеть следующим образом:

$$q_{T+1}^j = h[s^j(\bar{q}_T^j) - \bar{p}_T^*] + \bar{q}_T^j.$$

Функция  $h$  обладает следующими свойствами:  $h[0] = 0$ ;  $xh[x] < 0$  для любого  $x \neq 0$ .

Если все фирмы будут поступать похожим образом, величина выпуска отрасли  $q_T$ , по предположению, будет сходиться к аттрактору процесса — краткосрочному маршаллианскому равновесию  $q_T^*$ . Оно соответствует одной точке на кривой

предложения отрасли у Маршалла. Чтобы получить всю кривую, следует представить себе последовательный сдвиг линии спроса; рыночный процесс будет определять новые точки-аттракторы при различных значениях спроса.

Заметим, что в этой модели нет кривой предложения, полученной агрегированием оптимальных выпусков всех фирм *ex ante*. В этой модели предполагается постоянство выпуска отрасли, а не согласованность оптимальных стратегий всех участников рынка, как это было у Вальраса.

Получив равновесие, Маршалл обращается к «репрезентативной фирме», — репрезентативной в том смысле, что если выпуск отрасли никак не изменяется, у фирмы отсутствуют стимулы к расширению или сокращению производства. В случае совершенной конкуренции подобная ситуация характеризуется равенством цены и предельных издержек. Здесь это условие мы получаем *ex post*, а не *ex ante*, как в модели Вальраса. Кроме того, объемы продукции у Маршалла в принципе *наблюдаемы*. Однако в рамках обычного «вневременного» формализма условия оптимальности Маршалла и Вальраса неотличимы друг от друга.

И все же эти конструкции весьма специфичны. Вальрас строит модель, исходя из оптимальности индивидуального поведения, и доводит ее до рыночного равновесия. Маршалл вначале выстраивает свое, особое понятие равновесия, а затем обращается к анализу репрезентативной фирмы. Более того, предлагаемое им условие оптимальности не обязательно применимо к поведению всякой фирмы, отличной от репрезентативной (существование которой гипотетично). В состоянии равновесия отрасль будет представлять собой некую усредненную совокупность фирм, расширяющих и сокращающих производство.

Конкуренция, по Маршаллу, это соревнование. Рыбаки принимают цену как заданную, однако не в том общепринятом сегодня смысле, согласно которому они превращаются в «атомарных конкурентов», знающих рыночную цену еще до вложения ресурсов в производство. Они не располагают «кривыми совершенно эластичного спроса», а обнаруживают, по какой цене они распродадут товар, только тогда, когда их дневной улов целиком оказывается на рынке. При использовании понятия соревнования Маршаллу не требуется, чтобы большое число фирм производили товары — совершенные субституты, не нужны здесь и остальные нелепые предпосылки, необходимые для обоснования современного понимания «совершенной конкуренции». Многие комментаторы «Общей теории...» удивлялись, почему Кейнс не использовал идеи Джоан Робинсон о несовершенной конкуренции. Однако, будучи маршаллианцем, он не попал в ловушку совершенной конкуренции, а потому и не ощущал необходимости выбираться из нее, прибегая к противоположному понятию.

## Инвестиции

Запасы капитала фирм в краткосрочном периоде считаются у Маршалла постоянными, поэтому инвестиции рассматриваются лишь

в долгосрочной перспективе. В «растущей» отрасли, по Маршаллу, обнаруживается и используется экономия от масштаба. Расширение отрасли — это коллективный процесс проб и ошибок, в котором кому-то повезет, а кому-то — нет. Траектория развития отрасли, проложенная определенными фирмами, непредсказуема. Репрезентативная же фирма будет продолжать расширение производства до тех пор, пока будет получать положительную квазиренду. В гипотетическом случае, когда процесс будет проходить без существенных внешних воздействий, отрасль должна прийти к стационарному долгосрочному равновесию. Условием равновесия Маршалл назвал равенство между прошлыми и текущими капитальными затратами, с одной стороны, и дисконтированной величиной будущих чистых доходов — с другой. Кейнс предложил более элегантную и совершенную формулу равновесия и ввел понятие *предельной эффективности капитала*.

В вальрасианских моделях статического или логически обусловленного равновесия отсутствовал конструктивный элемент, с помощью которого можно было бы получить оптимальную скорость изменения капитальных запасов фирмы. Для этого приходилось вводить довольно странный показатель «скорости приспособления». Конструкция Маршалла менее изощрена — цена капитального блага есть приведенная стоимость ожидаемого потока предельных доходов. Чем выше уровень инвестиций в текущем периоде, тем больше запас капитала в будущем. Согласно этой логике, цена спроса на капитал по мере роста совокупных инвестиций будет снижаться. Поскольку при прочих равных условиях цены спроса обратно пропорциональны процентной ставке, выпуск новых капитальных благ в краткосрочном равновесии будет тем выше, чем ниже эта ставка. Следствием подобной логики и оказывается кейнсианская концепция предельной эффективности капитала, которая явно заимствована у Маршалла<sup>2</sup>.

### Стабильность системы

Кейнс начал построение своей «Общей теории...» в главе 3 с применения базовых принципов Маршалла к экономике в целом. Выпуск и безработица определяются *агрегированными* спросом и предложением, которые рассматриваются как поток денежных расходов или доходов: «Совокупная цена предложения продукции при данном объеме занятости есть ожидаемая выручка, которая как раз и побуждает предпринимателя предъявить спрос на труд, равный именно этому уровню занятости»<sup>3</sup>. Выпуск подчиняется типичному маршаллианскому зако-

<sup>2</sup> Кейнс, возможно, начал бы анализ инвестиционной деятельности с исследования неопределенности, внутренне присущей этому процессу, поступая так же, как и Маршалл. Разумеется, автор «Трактата о вероятности» не рассматривал бы актуарные расчеты как ключ к решению задач, стоящих перед фирмой. Выражая ожидания фирм в вероятностных терминах, Кейнс продолжал считать, что стохастические показатели субъективны по отношению к лицу, принимающему решение, и невыводимы из объективных распределений частот.

<sup>3</sup> Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. С. 30.

спроса на них в будущем: «Акт индивидуального сбережения означает, если можно так выразиться, решение сегодня не обедать. Однако он не обязательно влечет за собой решение пообедать ... или вообще потребить определенную вещь в определенное время»<sup>5</sup>. Таким образом, долгосрочные ожидания, по Кейнсу, в известной степени автономны, чего нельзя сказать об ожиданиях относительно инвестиционного дохода в межвременной модели общего равновесия. Не будучи строго соотносены с межвременными предпочтениями потребителей, они у Кейнса скорее подчинены «animal spirit»<sup>6</sup> (а значит, подвержены внезапным изменениям).

Второй тип «провалов» эффективного спроса положен в основу идеи кейнсианского мультипликатора. Безработные вызывают избыток предложения на рынке труда, но их спрос на потребительские товары не станет эффективным до тех пор, пока не будет поддержан покупательной способностью. В рамках данной институциональной структуры, по определению Роберта Клауэра, деньги покупаются за товары, а товары — за деньги, однако товары не покупаются за товары<sup>7</sup>. Во время написания «Общей теории...» Кейнс использовал в качестве рабочего заголовка книги словосочетание «денежная теория производства», ведь фирмы работают для того, чтобы максимизировать *денежную* прибыль, а работники трудятся за зарплату в *денежном* выражении. В одном из набросков «Общей теории», от которого он впоследствии отказался, Кейнс рассматривает альтернативную институциональную структуру «кооперативной экономики», в которой услуги труда напрямую обмениваются на товары, произведенные фирмой-нанимателем. В этом гипотетическом контексте подобный «провал» эффективного спроса не произошел бы, а кроме того, система никогда не пришла бы к равновесию с «вынужденной безработицей».

Важнейшим предметом его исследования является *сочетание* двух упомянутых дефектов спроса. Ни один из них сам по себе не способен вывести систему на траекторию равновесия с неполной занятостью. Если бы экономика могла каким-то образом сама поддерживать состояние полной занятости, а процентная ставка была бы слишком высока, чтобы координировать сбережения и инвестиции, то накапливающиеся избыточные сбережения в конечном счете заставили бы рыночную процентную ставку совпасть с «естественной ставкой» Викселля. Точно так же, если бы сбережения как часть дохода при полной занятости не превышали инвестиции, гибкость заработной платы сумела бы гарантировать полную занятость. Проблема возникает тогда, когда два упомянутых дефекта возникают совместно и взаимодействуют друг с другом. Если сбережения превышают инвестиции при полной занятости, реальный доход и выпуск будут падать,

<sup>5</sup> Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 198.

<sup>6</sup> Жизнерадостность; «внутренний голос», интуиция; «стадное чувство» (термин Кейнса, характеризующий конвенциональное поведение инвесторов). — *Примеч. ред.*

<sup>7</sup> См.: Clower R.W. A Reconsideration of the Microfoundations of Monetary Theory // Western Economic Journal. 1967. Vol. 6. P. 1–9. (См. также: Клауэр Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка // Истоки. Вып. 3. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. С.308-333.)

а безработица — расти, причем мультипликатор лишь ускорит падение выпуска, которое будет происходить до тех пор, пока сбережения не сравняются с инвестициями. В этой точке избыточный спрос на облигации окажется равен нулю, что уменьшит давление на процентную ставку. В то же время рынок труда не будет в равновесии, хотя денежная ставка заработной платы может сравняться с той, которая была бы в состоянии общего равновесия. Не существует автоматической способности «неправильной» цены изменяться в правильном направлении, в то время как «правильная» цена часто отклоняется от своего первоначального уровня. Более того, уменьшение заработной платы не восстановит равновесное состояние на рынке труда, где присутствуют межвременные координационные дефекты. На самом деле, с точки зрения Кейнса, гибкость заработной платы лишь ухудшит ситуацию. Описанный Викселлем процесс дефляции приведет к серии дефолтов и кризисов на финансовом рынке.

До выхода в свет революционного труда Кейнса большинство экономистов считало, что если бы все агенты в экономической системе, включая рабочих, подчинялись лишь «законам движения» по Маршаллу, то система неизбежно вышла бы на равновесную траекторию. «Трения», конечно, могут замедлять этот процесс, но в достижении окончательного результата сомнений не было. Заметим, что в современной макроэкономике данная предпосылка полностью восстановлена. Считается заранее очевидным, что превышение «естественного уровня» безработицы объясняется исключительно «негибкостью» рынка труда в ее различных вариантах — особенно в форме жесткости заработной платы.

Утверждение о том, что «гибкость» — не только необходимое, но и достаточное условие достижения равновесия, вероятно, может показаться правдоподобным в контексте изолированного рынка. Следует отметить, что у Маршалла строго упорядочены скорости приспособления рыночной цены и отраслевого выпуска. Если бы оба они были «одинаково гибкими», их взаимодействие породило бы нелинейный процесс, который не обязательно сходил бы к точке-аттрактору маршаллианского краткосрочного равновесия (подобное усложнение, конечно же, не возникает в динамике *tâtonnement*<sup>8</sup> у Вальраса). Однако Кейнс хотел сказать другое, а именно что подобное утверждение игнорирует динамическое взаимодействие между характеристиками рынка в денежной экономике. В такой системе стабильность общего равновесия при полной занятости гарантируется не всегда. Даже если все агенты подчиняются маршаллианским «законам движения», экономическая система может по-прежнему оставаться в состоянии масштабной безработицы. Это «вынужденная» безработица в том смысле, что *намеренного вмешательства* в функционирование рынков не происходило.

Выявленные Кейнсом несовершенства эффективного спроса и анализ их возможного воздействия на систему многих рынков подтверждают его притязания на формулировку более «общей» теории, по сравнению с теми, что выдвигались предшественниками. Эта теория

<sup>8</sup> *Нащупывание* (фр.) — термин Вальраса, описывающий движение экономической системы к равновесию. — *Примеч. ред.*

показывает, что способность системы «свободных рынков» координировать деятельность экономических агентов весьма ограничена, и демонстрирует, как подобные координационные «провалы» могут быть преодолены методами экономической политики.

Разумеется, теория Кейнса имела серьезные идеологические и политические последствия. Спустя несколько десятилетий стало очевидно, что он преувеличивал значимость и масштаб этих дефектов рыночного спроса — капиталистическая система продемонстрировала способности к гораздо более эффективному саморегулированию, нежели казалось в разгар Великой депрессии. Поэтому представления о недостаточной самостоятельности «свободных рынков» и о роли правительства в регулировании экономики пришлось скорректировать. Однако это не умаляет заслуг Кейнса как великого теоретика и не оправдывает апелляции к тем экономическим доктринам, в которых не признается сама возможность наличия «провалов» в работе рыночного механизма.

### Статический метод и его ограниченность

Понятия краткосрочного и долгосрочного периодов по-прежнему широко используются в современном экономическом анализе, однако сегодня в вальрасианской теории межвременных предпочтений нет аналога маршаллианской иерархии долгосрочного, краткосрочного равновесия и равновесия рыночного дня. Вальрасианские системы всегда находятся на равновесной траектории, а все агенты оптимальным образом реализуют свои возможности. В маршаллианской системе каждый индивид постоянно адаптируется, двигаясь к своей оптимальной точке, но редко достигает ее. Сложная нелинейная динамика, в которой все это происходит одновременно, не могла быть рассмотрена ни Маршаллом, ни кем-либо еще в его эпоху. Даже сегодня, несмотря на серьезный прогресс в изучении сложных систем, она остается не доступной для аналитических методов. Теперь такие системы можно моделировать на компьютере, а их динамические свойства исследовать экспериментально; однако о чем-либо подобном во времена Маршалла или Кейнса нельзя было даже мечтать.

Маршалл «разобрался» со сложной динамикой в своей теории, рассмотрев различные процессы приспособления по отдельности и предположив, что скорости приспособления можно строго упорядочить и что процессы сойдутся к своим аттракторам, не пересекаясь друг с другом. Такими аттракторами являются три статических равновесия. Он прекрасно осознавал, что его «статический метод» — это весьма грубый и предварительный способ анализа динамической и «органической» природы изучаемого им объекта. Даже если исследование проводилось в контексте одного рынка, его динамику невозможно было проанализировать, используя те инструменты, которыми располагал Маршалл, поэтому применение статического метода было наилучшим из имевшихся у него решений.

Для Кейнса проблема была несравненно более сложной. Масштаб и длительность всеобщей безработицы в разгар Великой депрессии



невозможно было должным образом объяснить в терминах рынков труда, которые «уравновешивались» бы в любом из общепринятых смыслов слова. Однако отказ от банального совпадения спроса и предложения означал, что мы имеем дело с макросистемой, которая *недоопределена* с точки зрения стандартного равновесного анализа. Кейнсу нужно было показать, как можно анализировать систему общего равновесия, в которой не хватало одного из уравнений. Разумеется, он пытался применить к решению данной задачи методику Маршалла, однако сделать это непосредственно не удалось. К концу 1930-х годов допущение об упорядоченности скоростей приспособления цен и выпуска, которое Маршалл считал разумным для анализа конкурентных рынков, вряд ли было оправданным применительно, например, к ситуации на рынках товаров, производившихся известными фирмами при возрастающей отдаче от масштаба. Более того, на различных рынках скорости приспособления цен и выпуска различны и само это приспособление осуществляется по-разному. Система из нескольких рынков — это сложный, нелинейный «ночной кошмар» для теоретика, и понятно, что статический метод Маршалла здесь бессилен.

Маршаллианская краткосрочная макромоделю должна была бы отвечать трем требованиям. Во-первых, следовало определить подходящую длительность рассматриваемого периода, дабы разделить эндогенные переменные на две группы в зависимости от скорости их приспособления к своим равновесным значениям, и те, которые меняются медленно, принять за постоянные. Во-вторых, выявить «законы движения» для остальных переменных. В-третьих, показать, что эти независимые друг от друга «законы движения» быстро и с высокой вероятностью приведут систему к точно определенному аттрактору. Такое разделение переменных должно быть стабильным и не меняться каждый раз, когда возникает новый вопрос, который нужно разрешить при помощи модели. Вполне возможно, что реальный мир не станет угождать экономисту, подчиняясь этим требованиям!

Ключевым допущением, которое сделал Кейнс, было то, что долгосрочная процентная ставка отнесена к «прочим равным условиям»: «Она может десятки лет колебаться вокруг уровня, хронически превышающего тот, при котором достижима полная занятость»<sup>9</sup>. Таким образом, на нее нельзя рассчитывать при координации сбережений и инвестиций. В краткосрочном периоде запасы капитала, ставка заработной платы в денежном выражении и долгосрочные ожидания считались экзогенными. Все эти параметры меняются при переходе от одного краткосрочного периода к другому. Текущие инвестиции увеличивают будущие капитальные запасы, текущая безработица уменьшает будущую заработную плату, а на будущие долгосрочные ожидания могут влиять как полностью экзогенные события, так и текущие эндогенные переменные модели.

Сочетание предпосылок о структуре лагов в динамике системы с подходящими «законами движения» было чем угодно, но не тривиальной задачей для понимания того, как система «ведет себя». Кейнс

<sup>9</sup> Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 192.

рассматривал сложную экономическую систему, для исследования которой не существует практически пригодного формального выражения и аналитически доступного набора дифференциальных уравнений. Чтобы найти статическую модель, с помощью которой можно было бы представить сущность его теории, Кейнсу приходилось при описании системы использовать вербальный анализ! Неудивительно, что в его работах есть несогласованности и противоречия, ведь он и в самом деле вышел за пределы того, на что был способен метод Маршалла.

Особенно поучительна в этом смысле попытка Кейнса дискредитировать теорию ссудного капитала в рамках теории процента<sup>10</sup> и заменить ее своей собственной теорией предпочтения ликвидности. Она показывает, как легко можно исказить маршаллианский метод и как этот метод может увести в сторону. Поскольку в теории Кейнса сбережения и инвестиции определяли совокупный доход, то он пришел к выводу, что процентную ставку определяют не они, а спрос на деньги (предпочтение ликвидности) и предложение денег. Эти утверждения бессмысленны, если понимать их как вербальное выражение модели одновременных уравнений. (Как показал среди прочих Э. Хансен, для определения процентной ставки необходимы кривые *IS* и *LM*<sup>11</sup>.) Однако они имеют смысл в качестве альтернативных гипотез для формулировки «закона движения» процентной ставки по Маршаллу. В таком случае гипотезу теории ссудного капитала следует понимать как утверждение, согласно которому процентная ставка будет повышаться тогда и только тогда, когда возникнет избыточный спрос на ссуды (избыточное предложение «облигаций») при существующей ставке процента, в то время как в гипотезе предпочтения ликвидности утверждается, что ставка будет расти тогда и только тогда, когда существует избыточный спрос на деньги. Таким образом, аргументация Кейнса имеет смысл только в контексте исследования адаптивной динамической системы.

В общем случае она неверна. Если равновесный уровень процентной ставки не подвержен воздействию избыточного спроса на кредиты, она не может влиять на межвременные стратегии производителей и потребителей. Для Кейнса чрезвычайно важно то, что существуют условия, при которых механизм процентной ставки работать не будет. На этот счет в его теории присутствует гипотеза предпочтения ликвидности при определении процентной ставки, что подразумевает принципиальную неспособность ценового механизма координировать сбережения и инвестиции. Политика центрального банка по регулированию долгосрочной процентной ставки может оказаться недостаточной для того, чтобы уравнивать сбережения и инвестиции при полной занятости. Если это действительно так, то система приобретает исследованные Кейнсом характеристики: во-первых, инвестиции влекут за собой сбережения, но не наоборот; во-вторых, рост сбережений уменьшает доход (так называемый «парадокс сбережений»), и, в-третьих, гибкая политика заработной платы не приводит экономику к состоянию полной занятости.

<sup>10</sup> Концепция, согласно которой предложение ссудного капитала и спрос на него определяют равновесную процентную ставку. — *Примеч. ред.*

<sup>11</sup> См.: Hansen A. H. A Guide to Keynes. NY: McGraw-Hill, 1953. Ch. 7.

Отметим, что хотя капиталистическая экономика и не является аморегулирующей системой, нельзя полностью отрицать ее способность к «автоматической» настройке, как это делал Кейнс. Поэтому при анализе современной экономической ситуации непосредственное применение его концепции может оказаться губительным.

### Использование математики

Современные экономисты нередко иронизировали по поводу взглядов Маршалла, вспоминая его неоднократные предостережения относительно чрезмерного доверия к математике в экономической теории. Наиболее характерно в этом плане высказывание Роберта Солоу, согласно которому Маршалл, по-видимому, считал, что на каждом из шагов математического доказательства мы утрачиваем частицу истины. Кейнс разделял с Маршаллом подобный скепсис.

Общность взглядов Маршалла и Кейнса на математику объясняется тем, что их представления об экономической науке были особыми радикально отличались от воззрений большинства современных экономистов. Сегодня «теоретизировать» означает дедуктивно выводить свойства модели из заранее заданного набора примитивных постулатов вкуса и технологии. «Теория» и «модель» считаются синонимами. Маршалл и Кейнс, напротив, склонялись к философскому реализму. Теория для них была совокупностью представлений о мире и о том, как наилучшим образом его постичь. Проблема в таком случае состояла в следующем: в какой мере использование определенного набора математических инструментов позволяет наиболее точно воспроизвести представить теоретические убеждения о том, как устроен мир?

И Маршалл, и Кейнс считали экономику системой, находящейся в постоянном развитии, однако математические методы, позволяющие со всей строгостью анализировать подобную систему, были им недоступны. Статический метод Маршалла с его предполагаемой порядочностью аттракторов был временным и предварительным способом рассмотрения динамики, и моделирование маршаллианской статики с использованием математического анализа было основано на достоверности и пригодности этого метода. Однако, имея дело даже с одной отраслью, Маршалл чувствовал, что необходимо напомнить читателям: «Тот факт, что общие условия жизни не являются статическими, служит источником многих трудностей, с которыми приходится сталкиваться в процессе приложения экономических доктрин к практическим проблемам»<sup>12</sup>. Поэтому вопрос о том, следует ли доверять математическим выкладкам или нет, ставился в плоскость личных предпочтений исследователя, а не считался предметом доказательства. Рассматривая не отдельную отрасль, а экономическую систему в целом, Кейнс работал за пределами того, на что был годен метод Маршалла — математика, связанная с этим методом.

<sup>12</sup> Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 2. М.: Прогресс, 1993. С. 31.

## Модель *IS-LM*

Кейнс считал, что в своей «Общей теории...» он разработал модель статического «равновесия», в которой раскрывались существенные характеристики динамической макросистемы. Модель *IS-LM* казалась вначале ему, а позднее — и бесчисленному множеству других ученых верным формальным представлением его теории.

Однако это было не так. Например, как указывалось выше, с ее помощью невозможно явно различить гипотезы предпочтения ликвидности и теории ссудного капитала. Более важным является то обстоятельство, что если использовать модель *IS-LM* в качестве «критерия» позволяющего отличать Кейнса от классиков, то это неизбежно ведет к ложному выводу о том, что Кейнс объяснял безработицу, предполагая, что заработная плата в денежном выражении слишком высока и является жесткой. Таким образом, проблема сбережений и инвестиций исчезала из последующей кейнсианской экономической теории, которая отождествлялась теперь не с чем иным, как с утверждением о жесткости заработной платы.

Несмотря на эти существенные недостатки, модель *IS-LM* не утратила актуальности и получила дальнейшее развитие не только внутри «кейнсианской» экономической теории, но и на каком-то этапе эволюции монетаризма. Причина была в том, что эта модель не исходила из закона Сэя (Вальраса) и, таким образом, могла использоваться для демонстрации многих характерных черт кейнсианской теории.

Однако, например, Хикс всегда осознавал, что теория Кейнса основывалась на методе Маршалла и что его статическое равновесие было лишь предварительным и несовершенным инструментом для работы с адаптивной макроэкономической динамикой. С каждым годом он все чаще высказывал озабоченность по этому поводу.

«Одной из основных сложностей теории Кейнса, — писал он, — является то, что в ней рассматривается временной интервал, в котором, как считается, выполняются условия равновесия [инвестиций и сбережений] и который тем не менее отождествляется с «краткосрочным периодом» Маршалла, где запасы капитала и оборудования ... остаются неизменными. Последнее означает, что этот период должен быть слишком длинным, однако в силу первого обстоятельства он не может быть и слишком коротким... Нелегко осознать, что любая продолжительность времени способна удовлетворить обоим указанным условиям»<sup>13</sup>.

Кроме того, Хикс начал рассматривать свою собственную модель *IS-LM* как некорректную по тем же самым причинам, а именно в силу того, что время, необходимое для достижения равновесия, представленного кривой *IS*, с одной стороны, и кривой *LM* — с другой, даже приблизительно не могло оказаться одинаковым.

В конечном счете модель *IS-LM* стали считать столь неадекватно реальности и не подлежащей улучшению, что от нее полностью отказались. С ее «кончиной» идеи Кейнса утратили всякое влияние в среде молодых экономистов. Его теория стала полностью отождествляться

<sup>13</sup> Hicks J.R. Capital and Growth. Oxford: Oxford University Press, 1966. P. 64—65.

этой моделью, и недостатки последней оказались губительными для сей теории. Мало кто из участников разразившихся тогда дебатов онимал, подобно Хиксу, в чем разница между теорией и моделью — каковы те невероятные трудности, которые следовало преодолеть, тобы с помощью статической модели развивать теорию динамики.

### Забвение Кейнса: «новые классики»

После Второй мировой войны Кейнс «пал» под тяжестью «кейнси-ской» экономической теории, монетаризма, «нового классического» монетаризма, теории реального делового цикла и «нового кейнсианства». В некоторых случаях научные дискуссии касались проблем, имеющих отношение к маршаллианским «корням» кейнсианской теории. Рассмотрим несколько примеров.

Показывая, что в кейнсианской экономической теории недооценивалась эффективность денежной политики, Фридмен утверждал, что эластичность спроса на деньги по процентной ставке не имеет принципиального значения<sup>14</sup>. Экспансионистская монетарная политика, как он считал, действует лишь через механизм ожиданий инфляции — повышения номинального дохода. Влияние денежной эмиссии на процентные ставки имеет незначительные последствия. Это означает, что реально структура лагов в модели отличается от того, что предполагалось обычно. В рамках сравнительной статики в модифицированной модели номинального дохода сдвиг кривой  $LM$  вызывал и сдвиг кривой  $IS$  в краткосрочном периоде. Эластичности здесь не имели существенного значения. Поколения студентов изучали макроэкономику, сдвигая одну из кривых и зафиксировав другую. Однако в версии Фридмена эту модель нельзя было более рассматривать по аналогии «ножницами» Маршалла. Модель рациональных ожиданий Лукаса<sup>15</sup> еще больше усилила критику Фридмена. В ней связь между кривыми  $IS$  и  $LM$  в терминах ожиданий была еще более жесткой, и обе они должны были сдвигаться одновременно.

Показывая, что кривая Филлипса не должна считаться устойчивой в отношении влияния номинальных шоков, Фелпс и Фридмен<sup>16</sup> независимо друг от друга выдвинули гипотезу «естественного уровня безработицы» (NAIRU), согласно которой экономическая система идет к состоянию полной занятости, как только появится время для приспособления заработной платы к равновесному значению. В модели естественного уровня безработицы жесткость заработной платы, или, иными словами, негибкость трудовых контрактов, есть причина неполной занятости; это убеждение разделяется и монетаристами, и кейнсианцами, и приверженцами теории реального делового цикла.

<sup>14</sup> См.: *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // *American Economic Review*. 1968. Vol. 58. No 1. P. 1—17.

<sup>15</sup> *Lucas R.E. Jr.* Expectations and the Neutrality of Money // *Journal of Economic Theory*. 1972. No 4. P. 103—124.

<sup>16</sup> *Phelps E.S.* Phillips Curves, Expectations of Inflation and Optimal Unemployment over Time // *Economica*. 1967. No 34. P. 254—281; *Friedman M.* Op. cit.

В терминах изначальной теории Кейнса гипотеза NAIRU был бы верна тогда и только тогда, когда равновесие между сбережениями и инвестициями заранее предполагалось бы достигнутым. Если же сбережения при полной занятости превысят инвестиции, то, согласно Кейнсу, гибкость заработной платы отнюдь не гарантирует достижение естественного уровня безработицы. Гипотеза NAIRU была принята «кейнсианцами», поскольку они уже согласились с предпосылкой о жесткости заработной платы в качестве объяснения безработицы и отказались от проблемы межвременной координации, поставленной Кейнсом.

Вместе с теорией естественного уровня безработицы в экономическую науку вернулся закон Сэя (или Вальраса). Теперь предложение вновь создает для себя спрос, а равновесие при полной занятости окрывается, таким образом, стабильным. Постепенно было осознано, что в моделях, использующих понятие естественного уровня безработицы не остается места для стабилизационной политики, понимаемой как управление совокупным спросом.

Критика Лукаса<sup>17</sup> научила экономистов тому, что функции предложения и спроса не являются инвариантными по отношению к государственной политике. Это заставило специалистов в области макроэкономики и эконометрики выйти «за пределы кривых спроса предложения» и исследовать более существенные параметры функции полезности и производственных функций, которые могли бы обеспечить более прочные основания для математической экономики. Маршалл, напротив, всегда считал, что вкусы и технологии постоянно изменяются; а Кейнс заметил бы, что теория общего равновесия, лежащая в основе новой «макроэконометрики», предполагает безупречную координацию. Современная теория отказалась от системы Маршалла и от координационных проблем Кейнса в пользу абсолютно логичной и связанной динамической стратегии репрезентативного экономического агента.

Этого агента не одолевают парадоксы сбережения, он не будет страдать от вынужденной безработицы, вряд ли его охватит финансовая паника или затянет в водоворот долговой дефляции. Макроэкономическая теория прошла долгий путь. Иногда хочется задуматься: в правильном ли направлении она двигалась все эти годы?

## Заключение

Когда-то наиболее насущным, жизненно важным вопросом был вопрос о том, как понять Великую депрессию. Общепринятая экономическая теория не давала на него удовлетворительного ответа. Кейнс предлагая свой ответ, внес в унаследованную им от предшественников экономическую науку два ключевых дополнения.

Первым был отказ от принципа непрерывности Маршалла. В сказывание «*Natura non facit saltum*»<sup>18</sup> стало подлинным девизом

<sup>17</sup> Lucas R.E. Jr. Econometric Policy Evaluation: A Critique // Brunner I Meltzer A.H. (eds.) The Phillips Curve and Labor Markets. Прилож. к журн.: Journal of Monetary Economics. Vol. 1. P. 19–46. Amsterdam: North-Holland, 1976.

<sup>18</sup> Природа не делает скачков (лат.) — Примеч. ред.